

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №3, Том 13 / 2022, No 3, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/12SCSK322.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Абрамова, С. Б. Эффективность цифровой партисипации молодежи как формы гражданской активности (пилотное исследование в Екатеринбурге) / С. Б. Абрамова, Н. Л. Антонова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/12SCSK322.pdf>

For citation:

Abramova S.B., Antonova N.L. Digital participation of youth as a form of civic engagement: the problem of efficiency (pilot study in Yekaterinburg). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 3(13): 12SCSK322. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/12SCSK322.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>

Абрамова Софья Борисовна

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
Екатеринбург, Россия
Доцент кафедры «Прикладной социологии»
Кандидат социологических наук, доцент
E-mail: s.b.abramova@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=253591
SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57207949336>

Антонова Наталья Леонидовна

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
Екатеринбург, Россия
Профессор кафедры «Прикладной социологии»
Доктор социологических наук, профессор
E-mail: n.l.antonova@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=135864
SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57038433100>

Эффективность цифровой партисипации молодежи как формы гражданской активности (пилотное исследование в Екатеринбурге)

Аннотация. В статье рассматривается проблема эффективности гражданской активности в условиях изменения форм взаимодействия власти и общества, формирования новой гражданственности и цифровизации общественных отношений. На основании обобщения теоретических аспектов социологического подхода к оценке эффективности социального участия выделены основные контексты содержательного рассмотрения понятия «эффективность» в отношении гражданской активности: как степени вовлеченности граждан, как уровня мобилизационного потенциала и др. В статье показано, что цифровая партисипация изменяет механизмы вовлечения граждан, расширяет границы и свободы гражданского участия. Задача оценки эффективности партисипаторной модели реализована в пилотном опросе молодежи (18–25 лет, учащаяся и работающая молодежь) города Екатеринбурга в июне 2022 г. Методом сбора информации выступили глубинные интервью (n = 14). Выявлены факторы, ограничивающие эффективность гражданской активности молодого поколения

(низкая мотивация молодежи, неэффективность одиночных и внесистемных действий, локальная ограниченность результативности и др.). Эффективность цифровой партисипации оценивается как менее выраженная по сравнению с офлайн-моделями, однако возможность экономии ресурсов (временных, денежных, транспортных и иных), а также значимое расширение потенциально возможных территориальных границ участия оцениваются как факторы роста привлекательности цифрового активизма. Установлено, что происходит гибридизация активизма через сочетание онлайн- и офлайн-форм участия для достижения эффективности через использование преимуществ обеих форм гражданской активности. Зафиксировано мнение о недостаточности сетевой власти на уровне отдельного рядового участника сетевых коммуникаций для формирования эффективного давления на других участников.

Ключевые слова: цифровая партисипация; гражданская активность; эффективность; молодежь; цифровой активизм; мобилизационный потенциал; слактивизм

Введение

В современном мире виды правления и формы власти преобразуются и на смену старым приходят новые модели, которые, в свою очередь, тоже находятся в стадии постоянного совершенствования. В тоже время сейчас предпринимаются значимые шаги по обеспечению открытости, прозрачности деятельности власти. Эти усилия потенциально способны изменить как объективные условия, обеспечивающие взаимодействия власти и населения (создать информационную среду, механизмы обратной связи, механизмы представления общественных инициатив и т. д.), так и изменить общественное мнение, формирующееся по вопросам эффективности деятельности муниципальной, региональной и федеральной власти. Исходя из этого, базовое определение гражданского участия трактует его как процессы, при помощи которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы [1].

В настоящее время одно из базовых противоречий заключается в том, что население демонстрирует низкую активность в политической сфере и вопросах участия в жизни общества, в то время как ожидает учет мнения населения со стороны власти при принятии решений. Вслед за Р. Патнэмом [2] снижение гражданского участия описывали авторы из разных стран. Исследование гражданской и политической активности молодежи Великобритании, Германии и США позволило J. Sloam [3] продемонстрировать снижение участия молодежи в традиционных формах политики, смешение политического участия с повседневными практиками, а также усилением социального неравенства через более активное вовлечение высокообразованных и материально обеспеченных групп в общественное участие и одновременной маргинализацией уязвимых групп молодежи.

Обзор литературы

Обобщая опыт исследования этого процесса, Р.А. Arvanitidis [4] отмечает, что в его основе лежит критическое отношение со стороны молодежи к механизмам традиционной демократии, общественное разочарование, недоверие и цинизм, что ставит под сомнение производительность и эффективность государства и его институтов. В России эти тренды дополняются отсутствием отработанных механизмов, обеспечивающих консолидацию социальных сил, отсутствием понимания, каким должно быть гражданское общество, низкий уровень гражданской компетентности и самосознания [5].

Однако в последние годы формируется концепция нового активизма, в основе которого, на наш взгляд, лежат две базовые идеи. Первая связана с развитием новой гражданственности, когда молодежь создает новые нормы гражданства и расширяет формы участия, что приводит к развитию модели активного гражданина [6]. В ее рамках проблема проведения границ социальной, гражданской и политической активности опирается на идею непроводимости этих направлений и размывания границ как между реальными формами активизма, так и в теоретических концептах. Как отмечают Л.И. Никовская и И.И. Скалабан [7], идет формирование широкого диапазона сложных, комплексных, многоаспектных форм политических, гражданских и социальных действий, включая консюмеризм, добровольчество и иные, которые лишают все «сферные» основания для классификации активности своего предметного пространства.

Вторая основа нового активизма связана с выделением интернет-активизма в качестве принципиально новой модели [8]. Трансформация гражданской активности в эпоху развития цифровых технологий позволяет актуализировать не только вопрос о новых формах гражданского участия, но и изменения эффективности вовлечения граждан. Этот аспект эффективности вызвал сильную дискуссию в исследовательском сообществе. Сторонники роста эффективности гражданской активности в контексте использования новых информационных и коммуникативных технологий обращаются к аргументам значимости интернет-коммуникации для молодого поколения, множества возможностей для обучения, обсуждения, создания сетей и мобилизации, что создает предпосылки для активности гражданских действий [9]. Другие учение более скептически указывают на то, что потенциальная возможность является необходимым, но не достаточным условием для гражданского участия, и что избыток информации не означает способность ее обработать и интерпретировать, и тем более использовать цифровые технологии для продвижения своих предложений и взглядов. При этом появляются онлайн-формы политически и социально неэффективного активизма, который часто обозначается обобщенным понятием «слактивизм». Легкость формирования сообществ, низкие затраты на коммуникацию, отсутствие сформированных целей делает слактивизм более безопасным, но не приводит к реальным гражданским действиям и, как следствие, не имеет никакого социального или политического воздействия [10].

Таким образом, проблема изучения и измерения эффективности гражданской активности становится одной из приоритетных в современных обсуждениях проблем гражданского общества и его взаимодействия с государством. На основании анализа дискуссионного поля можно выделить несколько основных контекстов рассмотрения понятия эффективности гражданской активности:

1. Эффективность как уровень гражданской активности, отражение степени вовлеченности граждан в общественные и политические действия.
2. Эффективность как уровень мобилизационного потенциала.
3. Эффективность как результативность диалога власти и общества.
4. Эффективность инструментов / механизмов гражданской активности.
5. Эффективность процесса формирования гражданской активности.

Также отметим, что эффективность гражданской активности, в свою очередь, рассматривается как индикатор эффективности развития гражданского общества и эффективности государственности. Эффективность публичного управления зависит от уровня партисипации, создания для этого всех необходимых и достаточных условий. По оценкам Я.Я. Кайль и В.С. Епининой [11], наблюдаются положительные изменения в характере взаимодействия органов публичной власти и населения, что соответствует основному принципу деятельности органов власти субъектов Российской Федерации и муниципалитетов

— максимальной доступности для граждан. Отметим, развитие партисипации прежде всего происходит за счет экспансии возможностей использования в публичном управлении информационных технологий.

Партисипаторная парадигма предполагает возможность повышения эффективности гражданской активности во всех аспектах ее понимания за счет расширения прав и возможностей людей, обеспечения справедливости и равенства гражданского участия, а также принятия гражданами ответственности за будущее, что стимулирует их интересы, возможности и свободы. Свободное соучастие позволяет всем слоям населения осуществлять свою гражданскую деятельность и влиять на общественные аспекты, имеющие для них значимость, выбирая не только наиболее удобные и доступные формы, но и субъектов взаимодействия (учреждения, должностных лиц, консультантов, сообщества, общественные организации и т. д.) [12].

Концепция цифровой партисипации усиливает партисипаторную культуру возможностью активного создания медиаконтента, свободного обмена и циркуляции информации, построения взаимосвязей в цифровых средах, где границы между производителями и потребителями весьма неопределенны, где любой читатель может пониматься как потенциальный автор [13], а в более широком контексте — актер. Термин «цифровая партисипация» относится к активному участию в цифровом обществе посредством использования современных информационных и коммуникационных технологий и включает в себя доступ к Интернету и различным онлайн-сервисам и контенту [14].

По мнению создателей платформы CitizenLab¹ рост эффективности гражданского участия через цифровую партисипацию обеспечивается четырьмя принципами, в основе которых новые технологии: (1) облегчают сотрудничество, (2) улучшают общение с гражданами, (3) упрощают получение информации, (4) позволяют легко действовать, преодолевая свою неуверенность.

В свою очередь индикаторами роста эффективности выступают: (1) более широкое участие граждан в принятии управленческих решений (в том числе в создании повестки для обсуждений), (2) более инклюзивное участие (больше участников процесса, более представительный состав участников из различных социальных слоев, более высокая степень вовлеченности), (3) более оперативное участие (лучше обратная связь после участия, выше доля вовлеченных чиновников и решений, принятых с учетом мнения граждан, оперативные механизмы участия и обнаружения).

Молодое поколение определяется как цифровое поколение [15; 16]. В 2021 году 95 % молодых людей ежедневно пользовались Интернетом², этот же уровень пользования фиксируется у российской молодежи³. 71 % молодых европейцев обладают хотя бы базовыми цифровыми навыками, в России этот показатель — 73 %⁴. В шести странах ЕС зафиксировано

¹ Lodewijckx I. 4 reasons why digital participation is easier than you think // CitizenLab: [сайт]. URL: <https://www.citizenlab.co/blog/civic-tech/4-reasons-why-digital-participation-is-easier-than-you-think-2/> (дата обращения: 15.07.2022).

² Being young in Europe today — digital world // Eurostat. Statistics Explained: [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Being_young_in_Europe_today_-_digital_world#Conclusions:_what_future_for_young_people_in_the_digital_world.3F (дата обращения: 15.07.2022).

³ Отношение к блокировкам сайтов, соцсетей, приложений. ФОМ, 30.06.2022 // ФОМ: [сайт]. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14743> (дата обращения: 14.07.2022).

⁴ Уровень цифровой грамотности в России и Беларуси. НАФИ, 6 мая 2022. // НАФИ: [сайт]. URL: <https://nafi.ru/analytics/uroven-tsfrovoy-gramotnosti-v-rossii-i-belarusi/> (дата обращения: 13.07.2022).

не менее 90 % молодого населения, использующего Интернет для взаимодействия с государственными органами, в 20 государствах ЕС молодые люди чаще используют Интернет для этой цели, чем население в целом. 78 % молодежи России использовали Интернет для получения государственных и муниципальных услуг.⁵

Можно утверждать, что дело не только в том, что социализация поколения Z совпала с цифровизационными процессами в обществе, но и с тем выбором, которое делает это поколение. Изменения в гражданских и политических практиках молодежи, по мнению Е.В. Бродовской и Т. Хуанг [17], связаны не только с технологическим прогрессом, но и с новыми политическими нарративами, сетевыми акторами, моделями делиберативной демократии и цифровой гражданственности. Это создает разрыв между поколениями, который L. Herrera [18] определяет как «монументальный», что создает предпосылку для ключевого вопроса ее статьи: может ли поколение бунта (поколение Z) и его формы партисипации быть столь же эффективными в создании устойчивых демократических обществ, как предыдущие поколения?

Методы и результаты

Для изучения представлений молодежи о цифровой партисипации и ее эффективности в июне 2022 года была проведена серия разведывательных глубинных интервью. Информантами выступили 14 представителей молодежи г. Екатеринбурга в возрасте от 18 до 25 лет, 7 мужчин и 7 женщин. 6 участников исследования представляют работающую молодежь, 3 — учащуюся, 5 сочетают эти виды деятельности.

Размышляя о возможности молодежи в современной России влиять на решения, принимаемые органами власти разного уровня, все информанты заявили о наличии такой потенциальной возможности. Однако каждый из них счел необходимым указать на ограничения (условия или барьеры), которые определяют границы и эффективность этого влияния.

Эти ограничения были обозначены следующим образом:

1. Необходимо состоять в системе управления, быть ее частью: *«я знаю только, что, продвигаясь в этой области, в сфере органов управления, они могут внедрять свои идеи на рассмотрение»* (ж, 21). Система власти формирует механизмы включения инициативной молодежи в свои ряды: *«когда студенты идут в специальные... как называется, точно не знаю. Департамент молодежной политики. Я знаю, что студенты туда поступают, проходят отборочный тур, решают какие-то вопросы, связанные с молодежью. Наверное, только так»* (ж, 19).

2. Оказать реальное воздействие могут только массовые гражданские действия: *«только массово делать, в огромном количестве, потому что единично, я думаю, нет. Есть много примеров в истории, когда один голос не способен был что-то донести власти, а когда большое количество поддержки — все получалось»* (ж, 19). Эффективность рождается через объединение в сообщества, коллективность действий: *«один я или вдвоем мы сделать ничего толком не сможем, так как мы не являемся частью этой же власти на их уровне, а так надо все делать коллективно — сбор подписей и прочее, то есть как-то вместе решать»* (м, 25).

⁵ Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. Итоги наблюдения // Росстат: [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html (дата обращения: 10.07.2022).

3. Более сложная ситуация в России, обусловленная неготовностью властей прислушиваться к мнению граждан: *«другое дело в Европе, они промитинговали, правительство сразу решило вопрос. У нас с этим тяжелее»* (ж, 25), *«какие-то высказывания, выходы на митинги тоже могут повлиять, но это маловероятно»* (ж, 19).

4. Границы возможности влияния со стороны молодых граждан определяются местным территориальным уровнем и не включают уровень федеральных проблем и задач: *«если взять низший уровень, то может быть да, если что-то глобальное, то нет. Низший уровень, парк какой-нибудь, строительство, новая детская площадка — это да, если что-то с политикой — то нет, мы никак не можем повлиять»* (м, 23). Такие проекты максимально приближены к жизни молодежи и демонстрируют эффективность через практические результаты: *«на уровне муниципального, регионального, областного вполне реально, сам участвовал в таких проектах, вносили идеи, инициативы»* (м, 24).

5. Низкая мотивация со стороны самой молодежи, ее невключенность в жизнь города и страны: *«могут влиять, было бы желание, но как показывает практика, молодежь может выйти на митинг заодно, но если решать какие-то важные вопросы для города — то вряд ли»* (ж, 24).

6. Статус молодежи в обществе низкий, мнение молодых людей не является значимым и авторитетным: *«очень мало кто слушает, даже если человек популярный, как правило, прислушиваются к более взрослым людям»* (м, 25).

Заочная дискуссия разворачивается вокруг идеи эффективности применения несанкционированных и даже силовых методов давления. С одной стороны, радикальная позиция связана с утверждением, что для эффективного результата необходимо использование силового давления: *«если физической силой, вполне себе собраться, но какими-то действиями простого характера без физической силы — нет. Мирные митинги, хождения, собирание подписей, которые ничего не решают в нашей стране, убежание от реальности — нет, только физической силой»* (м, 24). С другой стороны, возникает тезис об обязательности ненасильственности взаимодействия: *«могут повлиять, хотя бы косвенно, выражая свое мнение, не агрессивными способами. Если митинг, вызывающий неадекватное поведение, то возникает вопрос об его эффективности, ты приходишь и выплескиваешь свои эмоции, и что это изменит?»* (ж, 24). Наконец, проявляется и поиск компромисса, когда острые вопросы могут потребовать более активных, но законных действий: *«если острые вопросы и проблемы, это создание петиций, те же санкционированные митинги, любой правомерный бунт, которая может организовать молодежь»* (ж, 20). Сама идея «правомерного бунта» представляется весьма характерной для данного поколения и, на наш взгляд, может быть отнесена к новым нормам гражданственности.

Эффективность цифровой партисипации воспринимается менее однозначно: участники предпочитают использовать более неопределенные, смягченные высказывания *«бывает эффективной»* (ж, 21), *«в принципе эффективны»* (ж, 19), *«это может быть эффективно»* (ж, 24). Два участника дали категорически отрицательную характеристику эффективности онлайн-активизма, поскольку *«онлайн — это просто обсуждения, до реальных изменений дело доходит крайне редко»* (м, 25) и в России *«это не работает»* (м, 24).

При этом общим мнением является наличие преимуществ, которые делают цифровую партисипацию распространенной и привлекательной для молодежи.

Прежде всего, цифровое участие позволяет преодолеть территориальные, пространственные ограничения. Здесь четко прослеживаются два смысловых контекста: возможность принять участие в акциях вне территории своего пребывания, когда *«онлайн-формат позволяет охватить не только конкретный локальный город, но в принципе всю*

страну, и даже при желании соседние страны, регионы» (ж, 21), и возможность сэкономить время и силы, требуемые на физическое перемещение в пространстве, «если какая-то локальная акция, происходящая даже пусть в моем же городе, но на другом конце с офлайн-участием, то вряд ли физически мне удастся посетить эту акцию, и, возможно, я даже не узнаю о ней» (ж, 20). Важным представляется аспект, что для многих информантов цифровая гражданская активность не привязана к «своему» городу или региону, что более четко выражено в офлайн-формах: «можно находиться в отдаленной части страны, и можно помочь» (ж, 25). Это позволяет масштабировать репертуар своих гражданских практик и включать в них те, которые представляются наиболее интересными, тем самым снимая территориальную ограниченность выбора офлайн-активизма: «участвовал в митинге, проходящем в Москве в центральном отделении Молодой Гвардии, хотя сидел в Екатеринбурге. Если нет возможности вживую приехать, а поучаствовать хочется» (м, 23).

Доступность цифровой партисипации раскрывается через несколько аспектов. Онлайн-формат позволяет охватывать широкий круг населения — все, у кого есть Интернет, становятся потенциальной аудиторией, которой «достаточно просто разослать везде информацию, и широкий круг населения узнает о проблеме и примет участие» (ж, 21). Доступ к информации и цифровому участию (например, голосованию) происходит без дополнительных усилий, в домашней обстановке, и это соответствует образу жизни цифрового поколения: «можно посмотреть не выходя из дома интересующую информацию, проголосовать, высказать свое мнение, хотя понимаю, что реализовать онлайн-голосование сложно из-за идентификации личности, но это круто, если придет к этому полностью» (ж, 24). Наличие обратной связи, которая автоматически поступает при участии в онлайн-акциях и проектах, создает ощущение включенности и доступа к результатам своего гражданского участия: «помогал с помощью репостов для местных приютов, подписывал петиции о прощении помощи семьям, которые потеряли жилье, потом приходил ответ, что успешно решили» (м, 24).

Наконец, цифровая партисипация строится на идее сетевой власти (по М. Кастельсу) [19], когда происходит организованное давление активного ядра сетевого сообщества на других граждан. Наши информанты раскрывают этот аспект в двух направлениях: с позиции информационно активного меньшинства и с позиции менее активного периферийного большинства. В первом случае подчеркивается, что сетевые сообщества дают возможность привлекать других людей, заинтересовывать их, поскольку «люди тебе доверяют, они с тобой знакомы, смотрят тебя, придут, почитают, может, мысли свои выскажут или не выскажут, но что-то обдумают» (ж, 19). Во втором — что сетевая власть есть только у блогеров, а на уровне отдельного человека она не выражена: «это мало эффективно, потому что я не имею какого-то авторитета над людьми. А если выкладывают блогеры, у которых миллионы подписчиков, там, конечно, отзывов намного больше» (ж, 20).

Заключение

Таким образом, эффективность цифровой партисипации формируется как на основе механизмов эффективности гражданской активности в целом, так и с использованием специфических возможностей и ограничений, характерных для онлайн-среды. Цифровые практики становятся привычными формами гражданского участия, однако молодое поколение не готово полностью отказаться от офлайн-формата, подчеркивая его эмоциональную составляющую, силу сплочения, реализацию потребности в общении и другие характеристики, создающие специфические условия для эффективности офлайн-акций. Это определяет тенденции интеграции офлайн- и онлайн-пространств в формировании репертуара гражданской активности [20] молодежи и формирования гибридного активизма, включающего различные формы действий молодых граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04.
2. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon & Schuster, 2001. 544 p.
3. Sloam J. New Voice, Less Equal: The Civic and Political Engagement of Young People in the United States and Europe // Comparative Political Studies. Vol. 47. Iss. 5. Pp. 663–688. DOI: 10.1177/0010414012453441.
4. Arvanitidis P.A. The concept and determinants of civic engagement // Human Affairs. 2017. Vol. 27. № 3. Pp. 252–272. DOI: 10.1515/humaff-2017-0022.
5. Аносов С.С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 4–21. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/b70/%E2%84%964%202020.pdf> (дата обращения: 16.07.2022).
6. Dalton R. The Good Citizen: How a Younger Generation Is Reshaping American Politics. CQ Press, 2015. 240 p.
7. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального Развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04.
8. Азаров А. А., Бродовская Е. В., Шатилов А. Б. Гражданский активизм российской молодежи в цифровой среде как предиктор активности офлайн: результаты массового опроса и мультиагентного моделирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 296–318. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2041.
9. Boulianne S. Standby ties that mobilize: Social media platforms and civic engagement // Social Science Computer Review. 2022. Pp. 1–16. DOI: 10.1177/08944393211067687.
10. Пырма Р.В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. Том 28. № 2. С. 74–81. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7137.
11. Кайль Я.Я., Епинина В.С. Партиципация как важный фактор повышения эффективности и результативности публичного управления субъектом Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 16. С. 30–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partisipatsiya-kak-vazhnyy-faktor-povysheniya-effektivnosti-i-rezultativnosti-publichnogo-upravleniya-subektom-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 12.07.2022).
12. Деникин А.А. К определению термина «партиципация» в контексте современных художественных практик // Наука телевидения. 2018. Т. 14. № 1. С. 58–79. DOI: 10.30628/1994-9529-2018-14.1-58-79.
13. Jenkins H. Interactive Audiences? // The New Media Book / D. Harries. London: BFI Publishing, 2002.

14. Seifert A., Rössel J. Digital Participation // Gu D., Dupre M. (eds) Encyclopedia of Gerontology and Population Aging. Springer, Cham, 2019. DOI: 10.1007/978-3-319-69892-2_1017-1.
15. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: Harper Collins, 1992.
16. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. № 9(5–6). Pp. 1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.
17. Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01.
18. Herrera L. Youth and Citizenship in the Digital Age: a View from Egypt // Harvard Educational Review. 2012. Vol. 82. № 3. Pp. 333–352. DOI: 10.17763/haer.82.3.88267r117u710300.
19. Castells M. Communication Power. Oxford: Oxford University Press, 2009. 592 p.
20. Парма Р.В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 145–170. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2042.

Abramova Sofya Borisovna

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

E-mail: s.b.abramova@urfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=253591

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57207949336>

Antonova Natalya Leonidovna

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

E-mail: n.l.antonova@urfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=135864

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57038433100>

Digital participation of youth as a form of civic engagement: the problem of efficiency (pilot study in Yekaterinburg)

Abstract. The article deals with the problem of the effectiveness of civic activity in the context of changing forms of interaction between government and society, the formation of a new citizenship and the digitalization of public relations. Based on the generalization of the theoretical aspects of the sociological approach to assessing the effectiveness of social participation, the main contexts for a meaningful consideration of the concept of «efficiency» in relation to civic activity are identified: as the degree of involvement of citizens, as the level of mobilization potential, etc. The article shows that digital participation changes the mechanisms for involving citizens, expands the boundaries and freedoms of civic participation. The task of evaluating the effectiveness of the participatory model was implemented in a pilot survey of young people (18–25 years old, students and working youth) of the city of Yekaterinburg in June 2022. In-depth interviews (n = 14) were the method of collecting information. The factors limiting the effectiveness of the civic activity of the younger generation (low motivation of young people, inefficiency of single and non-systemic actions, local limited effectiveness, etc.) have been identified. The effectiveness of digital participation is assessed as less pronounced compared to offline models, however, the possibility of saving resources (time, money, transport, and others), as well as a significant expansion of the potential territorial boundaries of participation, are assessed as growth factors in the attractiveness of digital activism. It has been established that there is a hybridization of activism through a combination of online and offline forms of participation in order to achieve efficiency through the use of the advantages of both forms of civic activity. The study recorded an opinion about the insufficiency of network power at the level of individual rows of social networks to form pressure on other participants.

Keywords: digital participation; civic engagement; efficiency; youth; digital activism; mobilization potential; slacktivism